

Лауреат Международного литературного конкурса "Кубок Мира по русской поэзии - 2013". Лауреат Международного литературного конкурса "3-й открытый Чемпионат Балтии по русской поэзии - 2014". Лауреат Международного литературного конкурса "Кубок Мира по русской поэзии - 2014". Живет в Римониме (Израиль).

Татьяна ЛЕРНЕР, Римоним (Израиль)

СТИХИ

Хиромантия океана

А вот и нет, а вот и не смотрю
я в сторону твою. Гляжу в ладошки,
а там вода, беда, усталый брют,
две капли яда и стыда полплошки.

И этот мой, в ладонях, океан
волнуется, штормя и причитая.
Я вижу дно. Оно – одна шестая.
Там под водой пролёт меридиан,

то линия судьбы. Как после боя:
в разрывах, мелких шрамах. Но видна
сквозь толщу вод. Она для нас с тобою,
похоже, лишь одна.

А робких линий сердца параллели
едва заметны. Сердце, отболи.
Пусть волны льнут к ривьере, к рифу ли
(мы, кажется, совсем не разглядели
мой холм венеры, эту часть земли
в цветах и хмеле).
Лодки, колыбели, -

замрите. Нет, я не смотрю вослед!
Лицо я погружаю в терпкий, пряный
раствор порока, соли и обмана,
и не дышу там триллионы лет.

Но за секунду перед тем, как жабры
раскроются, я вынырну. И всё.
И вдох один, упругий, жаркий, жадный

меня спасёт.

Вроде кот

Коля, а заведи кота.
Заведи его в тёмный угол твоей души,
примани его, серого, лаской, и там оставь,
чтобы он постепенно привык и негромко жил.

Эти серые, Коля, – они неспроста коты,
деликатные пифии, мудрые существа.
Вроде живность – ан нет, это твой костыль:
снять с тебя непомерный груз всемогущества.

Вроде муркнет – а ты прислушайся: он поёт,
он поэт, из груди его льётся ажурный звук.
Этим песням завидовать мог бы любой сойот,
этой стройностью мог бы гордиться любой бамбук.

Вроде – кот. Что там, когти, подушечки, шерсть, усы.
Но какая грация, удаль, какой масштаб.
У кого на земле столько смелости и красоты?
Разве только у зеленоглазых и рыжих баб,

пивших зелье. Но кот бескорыстен и не ревнив,
он в постели твоей – не из прихоти. И за так.
Коля, ты ни принцесс не захочешь, ни их огнив,
если рядом прогреется предан, умён, хвостат.

А когда над тобой зашумит на погосте клён,
что останется, знаешь? Останется серый кот.
На могилу потом приходиться будет только он.

И сидеть. И стеречь в твою тёмную душу вход.

Мёртвое море

«На стихи он поймал тебя, милая, на стихи...»,
говорила подруга, солидно кивая в такт.
«Да, читала и слышала, кажется, неплохи,
но не Бродский. Хотя, безусловно, не дилетант.

Но не Бродский». Кофейню покачивал запах сдоб,
колумбийского кофе, магнолий, альбомных гор.
И подруга, почти медитируя: «Это – Сдом?
Это – соль? Перебор с чудесами-то, перебор...»

Жали шлёпанцы. Солнце горячечно шло в зенит.
В морозилке томился заказанный нами штоф.
Но крамольно звенело во мне (и сейчас звенит):
на любовь он поймал меня, господи, на любовь!

Как если бы

Как если бы купал своё дитя
и локтем воду пробовал: тепла ли,
и из кувшина подливал... Хотя
не воду из кувшина подливали,

а красное прекрасное вино.
Тому виной был вязкий ветер с моря,
принесший нам грозу. Но всё равно,
пьянея, хохоча и тараторя

о глупостях, – как если бы купал

своё дитя – был бесконечно нежен.
И полотенцем под ноги упал,
и ночничок зажёг. И реже, реже

болтал, а чаще припадал к вину
любимых губ и розового неба.
Как если бы замаливал вину,
в которой виноват пока что не был.

Квартира на Рубежной

Я двум каштанам под твоим балконом
молилась, – с них-то всё и началось.

Бельём казённым, пледиком суконным,
ковром – там воду пил из речки лось, –
набором чайным в трещинах, кувшином,
в котором кипятильник обитал,
рассветным дальним воплем петушиным,
тремя томами Маркса «Капитал»,
чем было ей, квартире на Рубежной,
гордиться? Только видом из окна.

Ты открывал балкон. Курил неспешно.
А я, оставшись в этот миг одна,
смотрела на каштаны в красно-жёлтом.
Считала по затяжкам: докурил.
Не запирая двери на щеколду,
ты выходил, на поручни перил
облокотившись, листья рвал с каштана
и в комнату вносил осенний свет,
ронял его к ногам моим. И странным
мне не казалось, что суконный плед
усыпан весь признаньями твоими
в любви, в тепле, в желании, в тоске
бездонной. Ты моё чудное имя
ласкал, крутил-вертел на языке.

Срывалось имя, листья опадали
с кровати на пол. И шурша, шурша,
летели по Рубежной вдаль. А дали
не ясно было: листья ли, душа...

